

Проблемы истории Изборска и Северо-Запада России

А. А. Прохоров (Минск)

ОБРАЗ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В ЛЕГЕНДАРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

В статье анализируются предания о княгине Ольге как основательнице Витебска и двух церквей из «Летописи Панцырного и Аверки» в контексте критики историографической традиции вести отсчет истории города с 947, 974 или 917 гг. Автор приходит к заключению о псевдоисторичности данного предания, сравнивает его с патриотической поэмой «Лабиринт» Фомы Иевлевича и предположительно датирует его появление началом XVII в. в связи с возникшей во второй половине XVI — первой половине XVII вв. волной восточнославянского патриотизма на восточных землях Речи Посполитой.

Ключевые слова: Беларусь, Великое княжество Литовское, княгиня Ольга, Витебск.

A. A. Prokhorov (Minsk)

THE IMAGE OF PRINCESS OLGA IN LEGENDARY MYTHOLOGICAL TRADITION OF BELARUSIAN LANDS

The paper analyzes the stories about the founder of Vitebsk and two churches Princess Olga of from «The Chronicles of Pantzyrny and Averka» in the context of criticism of historiographical tradition of dating the city's history from 947, 974 or 917. The author comes to the conclusion that this story is pseudohistoric and compares it with the patriotic poem «The Labyrinth» by Foma Ievlevich and presumably dates its appearance by the early XVII c. in connection with the second half of XVI — the first half of XVII century East Slavic wave of patriotism on the eastern lands of the Rech Pospolitaya.

Keywords: Belarus, the Grand Principality of Lithuania, Princess Olga, Vitebsk.

В белорусских городских летописях XVI–XVIII вв. есть одно интересное упоминание о деятельности княгини Ольги на белорусской земле. Городскую летопись Витебска XVII–XVIII вв., которую традиционно называют по именам создателей «Летопись Панцырного и Аверки», начинает сообщение об основании города Витебска и именно это событие авторы летописи связывают с деятельностью великой киевской княгини Ольги, уроженки псковских земель.

«В год 974. Ольга после разгрома ятвягов и печенегов, переправившись через реку Двина, заночевавши с войском и полюбив гору, заложила деревянный замок, назвала от реки Видибы Виттебском, построила церковку мурованую святого Михаила в Верхнем замке, а в Нижнем — Благовещения. Прожив два года, уехала в Киев»¹.

1.1. Длительное время данный фрагмент «Летописи Панцырного и Аверки» не подвергался изучению, так как была ясна его откровенная неисторичность². Ведь невозможно оспаривать засвидетельствованный факт смерти великой княгини Ольги в 969 г. Поэтому годом основания города Витебска традиционно считался 1021 год. Под этим годом в Воскресенской и Софийской первой летописях уточняется рассказ «Повести временных лет» о полоцком князе Брячиславе Изяславовиче из ветви Рогволодовичей, который получил от Ярослава Мудрого Витебск и Усвят, как залог дальнейшего союза между князьями «буди же со мною за-одинь» [12, с. 328; 16, с. 173].

Ситуация изменилась в начале 70-х годов XX века, когда появилось стремление принять дату, приведённую в «Летописи Панцырного и Аверки», как реальную дату основания Витебска в результате деятельности великой княгини Ольги. Причем сама форма летописного сообщения требовала переосмысления свидетельства летописца. Этим занялась группа местных энтузиастов, которые предложили в 1974 г. отпраздновать 1000-летие города Витебска, опираясь на сообщение под 974 г. [14].

Необходимо было найти объяснение словам летописца. Заключение было получено из Москвы. Оно было подписано маститыми учеными, к мнению которых грех было не прислушаться, а соответственно и завершить дальнейшую экспертизу. В специальном письме-ответе на обращение из Витебска директор Института археологии Академии наук СССР академик Борис Александрович Рыбаков и кандидат исторических наук Леонид Васильевич Алексеев написали: «Считаем, что переписчик летописи XVIII века перевел древнее летоисчисление «от сотворения мира» (6455 год) на наше летоисчисление, получил правильную цифру 947, которую затем спутал при переписке, поменяв местами 4 и 7. Так и появилась дата 974 год. Что касается остальной части сообщения Витебской летописи, то она, по-видимому, достоверна, так как Ольга, мы видели, облагала данью население по Мсте и Лузе, а попадали туда, как и в Новгород, по пути «из варяг в греки», то есть через витебские земли, где Ольга и могла возвести город» [14].

1.2. Авторы заключения попытались разрешить главное хронологическое противоречие сообщения из «Летописи Панцырного и Аверки» – великая княгиня Ольга умерла в 969 г. и, исходя из данного указания года, никак не могла быть основательницей города. Предложив для решения проблемы ошибку летописца в написании года, они посчитали задачу решенной³.

1.2.1. Но сторонники принятия подобного прочтения летописного отрывка, перенося сообщение на более раннее время, никак не попытались соотнести с датой 947 г. другие части сообщения «Летописи Панцырного и Аверки», которые, если принять эту дату, делают сообщение практически невероятным. Ведь текст сообщения 974 г. в «Летописи» достаточно богат деталями, на которые внимания не обратили. Например, деятельность Ольги приурочена к походу против ятвягов и печенегов. Но реально оба племени появляются в истории Руси позднее. Согласно «Повести временных лет» первый поход на ятвягов осуществил князь Владимир в 983 году. Печенеги в связи с борьбой с русскими землями впервые упоминаются в сообщении об осаде Киева в 968 году, при этом летописец специально подчеркивает «Придоша печенези на Руску землю первое» [15, с. 31]. Да и проживали эти племена в противоположных направлениях от Киева, и о каком-либо союзе между ними мы не имеем никаких даже позднейших известий. Поэтому одновременный поход против этих племен совершенно лишен смысла.

1.2.2. Еще более неожиданно выглядит летописное утверждение, что Ольга сразу построила и Верхний и Нижний замки. Из якобы древнего летописного сообщения перед нами предстает сразу средневековая структура города. Реально же каменные замки Верхнего и Нижнего города упомянуты только в середине XIV века.

Строительство церквей в 947 году выглядит более чем необоснованно, так как в то время великая княгиня Ольга еще не была христианкой. Тем более загадочно представляется строительство каменной-мурованой церкви. Еще после принятия христианства некоторое время этим не могла похвастаться даже столица древнерусского государства, пока 12 мая

996 г. не была освящена Десятинная церковь. Причем в Киеве некоторое время существовала единственная церковь, а якобы в Витебске за 2 года было заложено и построено две. Опять же, еще раз обратим внимание, что перед нами из летописного упоминания предстает совершенно реальная позднейшая средневековая структура Витебска.

По археологическим данным можно говорить о строительстве Благовещенской церкви в Витебске во второй четверти XII в. [2, с. 61] Приблизительно одновременно была построена и церковь Михаила архангела. Интересно, что даже сторонники признания 974 г. как даты основания города не предлагают относить строительство церквей Благовещенской и архангела Михаила к этому периоду.

Зато в упоминании двух церквей построенных Ольгой четко видно стремление к удревнению истории православных храмов Витебска, чему больше внимания будет уделено ниже.

1.2.3. Кроме представленной в летописном сообщении под 974 г. поздней средневековой городской структуры города Витебска, необходимо обратить внимание еще на ряд аргументов. Сторонники признания историчности упоминания в «Летописи Панцырного и Аверки» под 974 г. факта основания Витебска Ольгой никак не задаются вопросом, из какого источника почерпнули авторы витебской летописи эти сведения. Ведь это упоминание в «Летописи» города единично у них для древней истории Витебска, стоит особняком и совершенно уникально для почти четырех столетий в «Летописи Панцырного и Аверки». Затем история города Витебска в «Летописи» прерывается до 1332 года⁴, когда здесь состоялась вторая женитьба литовского князя Ольгерда на тверской княжне Ульяне. При этом здесь также видна совершенно явная ошибка, когда летописец считает, что после этой женитьбы на тверской княжне, Ольгерд получил Витебск в приданое от тверского князя [11, с. 194].

Совершенно удивительно, что говоря о втором браке Ольгерда, местная витебская «Летопись» ни слова не говорит о первой женитьбе еще молодого литовского князя в 1318 г. в Витебске на витебской княжне Марии, дочери витебского князя Ярослава Васильевича [10, с. 8]. Ведь это событие оказало определяющее влияние на историю города в тот момент, что привело к включению Витебска в состав ВКЛ. С 1320 г. после смерти князя Ярослава Ольгерд стал полноправным правителем города⁵.

Тогда надо признать, что была некая местная летопись, в которой было лишь упоминание о деятельности княгини Ольги в Витебске, но не было никаких других сведений о начальной истории этого города. Не отмечен даже факт пресечения местной витебской княжеской линии. Таким образом, исследователи, которые признают аутентичность упоминания в «Летописи» под 974 г., совершенно игнорируют тот факт, что само по себе оно является более чем противоречащим древней летописной общерусской традиции. При этом очень характерно, что начало описания реальных событий истории Витебска связано в «Летописи» с его вхождением в состав Великого княжества Литовского и с началом правления в Витебске князя Ольгерда, в результате чего Витебское княжество вошло в состав ВКЛ. И с этого момента городская летопись стремится очень подробно освещать историю города. Это совершенно иная политическая тенденция в летописании, сориентированная на собственную историю Великого княжества Литовского и на западноевропейскую традицию.

Отступление от этой логики можно найти только в упоминании религиозных событий из истории православной церкви, как то крещение княгини Ольги, крещение Владимира и Руси, основание Полоцкого епископства и деятельность Евфросинии и т. д. То есть в «Летописи Панцырного и Аверки» сохранялась тенденция к прослеживанию истории православия на Руси и в Подвиньи. При этом нет интереса к политическим событиям периода древнерусского государства.

Безусловно, стоит обратить внимание и на часто плохую осведомленность летописца в деталях древних событий. В «Летописи» немало фактологических ошибок, перепутаны события, много хронологических неточностей, иногда запутанная география и т. д. Так при ссылках на материал древнерусских летописей в «Летописи Панцырного и Аверки» встречаются ошибки, как, например, правление византийского императора Льва Исавра отнесено на столетие позднее.

1.2.4. Наконец, без внимания остаётся и форма написания названия реки Видиба (Widiba), а не Витьба. Формы употребления названий города и реки также соответствуют средневековым латинским и польским формам в документах ВКЛ, а никак не характерны для древнерусского летописания.

1.2.5. Сторонники удревления даты основания Витебска в последнее время ссылаются еще на ряд документов, среди которых «Атлас Полоцкой губернии» 1777 г. («Описание Полоцкой губернии с историческими и географическими примечаниями»). При описании недавно присоединенных к Российской империи земель указывается, что «Оной город начало свое имеет от российской княгини Ольги, которая в 914 году проезжала в Киев через оное место и ночевала на горе, где и велела на той горе строить город, и по реке Витьбе назвав Витебск» [21]. По мнению сторонников признания историчности предания об основании города великой княгиней Ольгой, зафиксированные здесь легенды в соотнесении с «Летописью Панцырного и Аверки» могут подтверждать аутентичность передачи исторического события. При этом опять же нет никакой критики хронологического несоответствия, а лишь предположения об ошибке при написании даты⁶.

Ссылки на «Атлас Полоцкой губернии» 1777 г., где указан 914 год, вообще не выдерживают критики. Составлялись подобные описания сразу после присоединения Подвинья к Российской империи, а авторами в основном были российские офицеры. Неоднократно отмечено, что часть собранной ими информации по истории региона не была проверена, а часто основывалась на тенденциозных свидетельствах, или они отбирались для обоснования древнейших корней православия и российского влияния на вновь присоединенных землях.

1.3. Таким образом, совершенно ясно, что упоминание под 974 г. в «Летописи Панцырного и Аверки» основания Витебска, к какому бы году ни относить сообщение к 974 или 947 годам, является не более чем псевдоисторическим преданием, легендарно-мифологическим повествованием «об основании», какие легко рождались в средневековье с целью удревить историю народов и стран, соотнести ее с более древними прообразами.

2. Безусловно, легко доказывать полную историческую необоснованность легендарного предания «об основании». Гораздо более интересен другой вопрос. Какие идеи отражает данное легендарно-мифологическое предание? Можно ли попытаться определить время возникновения самого летописного предания об основании Витебска княгиней Ольгой в той его форме, которая зафиксирована в «Летописи Панцырного и Аверки», понять заложенные в нем идеи и концепты. Представляется, что обилие средневековых деталей, которые попали в якобы древнее летописное описание события, дает возможность достаточно обоснованно определить время возникновения собственно той формы предания об основании города, которое потом было зафиксировано в «Летописи Панцырного и Аверки».

2.1. Города Поднепровья и Подвинья занимали в структуре ВКЛ, а затем и в структуре Речи Посполитой достаточно важное место. Долгое время они пользовались широкой политической автономией, увеличивали свою экономическую мощь на важнейших торговых путях всего восточноевропейского региона. На протяжении продолжительного периода православное население этих городов не испытывало никакого религиозного давления. Развитие Витебска в XV–XVI вв. было вполне характерным для белорусских городов в составе ВКЛ. Город к этому времени был одним из крупнейших в Великом княжестве. В полном соответствии с политикой Короны в этом регионе Витебск 17 марта 1597 г. получил Привилей на Магдебургское право от короля Жигимонта (Сигизмунда) III Вазы, а в соответствии с этим герб, печать, выборность местных властей, ратушу и т. д.

Однако, в начале XVII в. поступательное развитие Витебска было прервано, а город оказался в самом центре религиозной борьбы в Великом княжестве Литовском и в Речи Посполитой. Особенно эта борьба обострилась после Брестской унии 1596 г., когда униатство фактически стало пользоваться государственной поддержкой. В 1618 г. униатским архиепископом Полоцка стал Иосафат Кунцевич, который начал разворачивать гонения на православных, стремясь любыми путями перевести их в униатство. В 1619 г. Кунцевич получил

королевское решение на прямое подчинение ему всех церквей и монастырей на территории его епископии [3, с. 8]. Многие города Поднепровья и Подвinya подверглись давлению, большинство церквей оказались в руках униатов. В Витебске в 1619 г. к униатам перешла наиболее почитаемая Благовещенская церковь [2, с. 63]. В 1621 г. даже король Жигимонт Ваза высказался за сохранение еще находившихся в руках у православных церквей. Но, несмотря на все противодействие, Кунцевич в 1622 г. закрыл все православные церкви. Православные вынуждены были отправлять обряды за городскими стенами в шалашах.

Сопrotивление этой политике было достаточно сильным во многих восточно-белорусских городах. Но именно в Витебске борьба оказалась наиболее упорной. В 1621 г. здесь, в витебской ратуше, свои права на Полоцкую архиепископию обнародовал Мелетий Смотрицкий [3, с. 14]. Это заявление было поддержано горожанами Витебска, а затем и некоторых других городов. Безусловно, можно полагать, что борьба за храмы шла упорная, и православное духовенство стремилось представить аргументы о законности владения ими витебскими церквями, что неизбежно должно было опираться на тезисы об исконности православия на этих землях и на апелляции к авторитету святых покровителей уже в седой древности.

В ноябре 1623 г. Иосафат Кунцевич был убит витебскими горожанами, возмущенными его давлением на православных [3, с. 15–16]. Восстание вызвало ответную жесткую реакцию властей, и сам Лев Сапега, недавно отказавшийся от должности великого канцлера, был послан для проведения показательного суда. В ходе следствия и наказаний многие зачинщики волнений были казнены. Среди заговорщиков было выявлено немало представителей городских властей и именно в ратуше часто обсуждались планы противодействия Кунцевичу. Поэтому в ходе следствия виновным был признан и сам город Витебск, а соответственно в числе прочих наказаний было отобрано у города Магдебургское право и другие городские привилегии.

2.2. Мы уже указывали, что отрывок под 974 г. в «Летописи Панцырного и Аверки» об основании города Витебска княгиней Ольгой фактически необходимо соотносить с продолжением идейной борьбы в летописании Великого княжества Литовского о происхождении власти и государственности на белорусских землях ВКЛ, начавшейся практически с самого начала его становления. Первая линия была начата со сводом 1446 г. по заказу тогда епископа Смоленска Иеронима, ставшего впоследствии Киевским митрополитом (закреплена в Никифоровском, Супрасльском, Академическом и Слуцком сводах). Эта линия признавала и подчеркивала становление государственности в период Киевского государства и считала государственность ВКЛ продолжением этого развития [1, с. 4]. В противовес этому магнатские роды столичного виленского региона способствовали в 20–30-е годы XVI в. написанию последовательной «Хроники Великого княжества Литовского и Жамойцкого» с дальнейшими вариантами. Данная линия тяготела к западноевропейской исторической традиции с её выведением власти еще от древнеримской государственности. Здесь была представлена легенда о происхождении аристократии Великого княжества от римского аристократа Палемона, бежавшего от гонений императора Нерона.

Уже указывалось, что «Летопись Панцырного и Аверки» в принципе не может предстать примером именно равнения на древнерусское летописание. Наоборот, виден явственный интерес именно к историческим событиям на западе Европы. Это подчеркивает и польский язык (или скорее его местный вариант) написания летописи.

Структура «Летописи Панцырного и Аверки» вполне вписывается в структуру летописей ВКЛ того времени. Прежде всего, это описание местных событий и стремление вплести их в более широкий контекст, но что вполне показательное – прежде всего, в контекст общеевропейской политики. Причем это описание общеевропейской политики логично предвосхищает переход к истории самого города. Из этой общей линии в «Летописи Панцырного и Аверки» выбивается именно сообщение об основании города, где идет историческая апелляция к политическому авторитету древнерусского государства.

В XVII в. такой подход вполне характерен и для других летописей восточно-белорусских городов: для летописи Могилева Сурты и Трубницкого, Баркулабовской летописи.

Откуда же в «Летописи» прозвучал столь яркий призыв к местному патриотизму и интерес к историческим корням?

2.3.1. Данное сообщение необходимо, на наш взгляд, рассматривать в контексте возникшей во второй половине XVI — первой половине XVII вв. на восточных землях Речи Посполитой волны восточнославянского патриотизма [22, s. 143–149]. Одним из проявлений этого патриотизма стало стремление обратиться к древней истории региона и показать ее первенство по отношению к истории литовской и польской. Лучше всего эту идейную борьбу можно проследить на примере истории Могилева. В 1625 г. в Кракове была напечатана философская поэма «Лабиринт» могилевского горожанина, а тогда студента-выпускника Ягеллонского университета Фомы Иевлевича с его яркой патриотической позицией по отношению к православным территориям Поднепровья и Подвинья. Чаще всего полемическая литература того времени обращалась к религиозному фактору, как к основе политической борьбы. Не исключение в этом и произведение Иевлевича. Однако религиозный фактор выступает у него не единственным, и он даже скорее звучит достаточно завуалированно. Это вполне резонно, так как открытое выражение антикатолических идей было невозможно в печатных изданиях да еще в интеллектуальной столице страны. «Опору духовных сил национального возрождения автор ищет в старине» [18, с. 7]. Неоднократно Иевлевич обращается к исторической перспективе с целью доказать славное прошлое своих земляков: «за дела великие широкую известность имел» народ славянский [9, с. 24: 356]. Исторический аспект играет важную роль в аргументации Фомы Иевлевича о причинах политического неустойчивости: «Далеко вы от дорог своих предков отклонились» [9, с. 24: 351–352]. Иевлевич рассматривает современное ему политическое состояние в исторической перспективе.

Наряду с другими именитый народ Славянский

Я хочу предупредить от несчастья и непогоды.

Ныне ты уязвлен до самых костей,

А когда-то достигал высот царской красоты.

Если захочешь взглянуть на древние деяния своих предков,

То увидишь, что владели они большей частью мира:

От замерзающего моря до берега Адриатического

Простирались владения именитого народа Славянского [9, с. 15–16: 31–48].

Появляется и образ столичного Киева:

Когда город Киев семь миль в округе имел,

Пятьсот церквей в нем службу служили [9, с. 16: 45–46].

В описании исторической и политической ситуации Фома Иевлевич предлагает собственную классификацию: он объединяет ряд городов Подвинья и Поднепровья в единую группу «городов Русью основанных» [9, с. 16: 57], которые на данный момент пришли в упадок. Это создает определенную систему их общности в сравнении с более поздними городами ВКЛ.

Характерно, что Фома Иевлевич, утверждая глубокую древность и начала государственности этих городов в эпоху Киевской Руси, одновременно четко указывает, что сообщение об основании Вильни в «Хронике Литовской и Жамойтской» [9, с. 16: 44] не более чем мифологическое предание. В данном случае прекрасно видна осознанность поставленных вопросов о древности происхождения различных городов Великого княжества.

В этом случае уже никак не может вызывать удивление появление «контр-мифов», которые были призваны обосновать древность восточно-белорусских городов в противовес Вильне. Фактически именно такой образец легенды мы имеем дело в «Летописи Панцырного и Аверки» в псевдоисторическом сообщении об основании Витебска. Идейная полемика идет на уровне мифологических концептов.

2.3.2. Могилевская летопись также полна примерами удревнения истории города и придания городу священного статуса. Другое дело, что отнести мифологию происхождения Мо-

гилева к периоду древнерусского государства было невозможно в связи с его более поздним происхождением. Но здесь также создавалась псевдоисторическая мифология «древнего происхождения», но имевшая несколько другую направленность и аргументацию.

Летописная легенда о путешествии на Русь Андрея Первозванного дополняется могилевскими хронистами повествованием о его посещении могилевских гор, что делает их священными для христиан [13, с. 239].

В могилевской городской «Летописи Сурты и Трубницкого» автор выводит происхождение населения города напрямую от колена Яфета, что привязывает к библейским средневековым генеалогиям народов, и является традиционной калькой для постулирования «библейской» древности происхождения [13, с. 240].

Еще одним из ярких моментов проявления местного патриотизма стал интерес к древней истории Могилева у местных хронистов, и они предложили псевдоисторическую легенду об основании города и его названия в 1267 г. от галицкого князя Льва Даниловича [20, с. 9].

Для витебской истории соответствующего периода нам известно гораздо меньше фактов подобных идейных построений и полемики. Причины этого совершенно на поверхности. Они, безусловно, связаны с трудным периодом в развитии города Витебска в начале XVII в. Однако сам текст предания вполне дает указания на приблизительное время его создания. И это вполне соотносима с Могилевом ситуация.

2.3.3. В результате можно видеть, что основные исторические идеи в псевдоисторическом отрывке под 974 г. в «Летописи Панцырного и Аверки» и в патриотической поэме «Лабиринт» Фомы Иевлевича, а также в «Могилевской летописи» совершенно схожи и вполне соотносимы:

1. киевское государство имеет древнейшие и славные корни в регионе, это основа местной государственной исторической традиции,
2. древнейшие города региона были основаны именно в период киевского государства, эта древность является залогом их собственного политического величия,
3. в основе традиции лежит принятое в древности христианство, что подтверждается древностью истории православия и православных церквей в городах Подвинья и Поднепровья.

Данное соотнесение позволяет утверждать, что в отрывке под 974 г. в витебской «Летописи» и в «Лабиринте» перед нами идейная и политическая аргументация одного порядка.

Причем еще раз подчеркнем, что подобные идеи далеко не характерны для «Летописи Панцырного и Аверки». Подобная аргументация встречается в «Летописи» всего несколько раз и только в отношении православной религии. Подобное сообщение об основании города было использовано летописцем, так как он посчитал его достаточно важным для истории родного города. Но в остальных частях своей «Летописи» авторы твердо придерживаются верноподданнической линии развития исторического процесса в Великом княжестве и затем в Речи Посполитой.

При этом безусловно, что данная полемика входит составной частью в более широкую полемику того времени вокруг Брестской унии [4, с. 164–199; 5, с. 170–199; 19, с. 70–99]. Однако здесь именно религиозные мотивы выражены не так ярко и не находятся на первом плане. И все-таки именно такие сообщения как в «Летописи Панцырного и Аверки» должны были служить аргументами для православных в их спорах за церкви. Характерно, что в этой полемике принимал участие и сам Иосафат Кунцевич. Его перу принадлежит книга «О фальшованиях писем словенских од оборонцови учителей вере церковей противных послушенству его милости отца митрополита, и о незгодах тих в науце».

2.3.4. Безусловно важно для исследования причин появления и оформления псевдоисторического предания из «Летописи Панцырного и Аверки», что упоминается об основании великой княгиней Ольгой 2 православных церквей, расположенных в витебских замках. Это обобщает картину описания города: он полностью — укрепления и церкви — были созданы Ольгой и соотносятся со стариной. Город в целом выступает как сакральная целостность.

В сообщении об основании Витебска указаны две наиболее древние, популярные и значимые церкви города: Благовещенская церковь и церковь архангела Михаила. Благовещенская церковь сохраняет свое значение в жизни города до сих пор как древнейшая церковь. Первое ее упоминание относится к правлению князя Ольгерда в XIV в., но её конструктивные особенности свидетельствуют о возможности ее возведения еще во второй четверти XII в. Хотя Стрыйковский относит ее строительство к временам Ольгерда, это скорее всего было ее перестройкой [2, с. 61].

Церковь архангела Михаила по археологическим свидетельствам была построена, как и Благовещенская церковь, к середине XII в.⁷ Сама же церковь описана как деревянная на каменном фундаменте [17, с. 5–6]. Возможно, что в 1618 г. сохранился после пожара только каменный фундамент и потом на нем была отстроена деревянная церковь [17, с. 12].

3.1. В итоге фрагмент «Летописи Панцырного и Аверки» под 974 г. об основании Витебска и ряда витебских церквей великой княгиней Ольгой нельзя рассматривать как отражение реальной истории. Зато это прекрасный образец псевдоисторического предания, которое появилось в позднее средневековье.

Можно полагать, что само псевдоисторическое предание возникло в православной и притом образованной среде. Создатели предания были знакомы с древнерусскими летописями, хоть и не столь хорошо. По мнению создателей, подобный псевдоисторический миф должен был способствовать легитимации древности города Витебска и возведения к началам государственности и православия в землях Подвинья, через псевдоисторическое описание придать «летописную древность» возможно существовавшему народному преданию об основании города княгиней Ольгой.

Можно полагать, что аргумент о древности церквей и их православном происхождении использовался в момент борьбы православных и униатов.

В городскую летопись предание могло попасть или действительно будучи популярным среди витебских православных горожан или, что скорее, оно имело «историческое подтверждение» в православных документах, возможно целенаправленно сфальсифицированных или, вернее сказать, соответственно мифологизированных. Собственно эти документы могли даже храниться в Благовещенской церкви, о существовании старого архива в которой уже делали предположения. Ведь, безусловно, что любой из городских летописцев не мог не интересоваться и не изучить древние православные документы по истории города. Но отдельного летописания древнерусского периода в городе не было, и в результате на страницы «Летописи Панцырного и Аверки» попало единичное и оторванное упоминание о княгине Ольге и об основании ею города и церквей.

При этом нельзя однозначно утверждать, что это средневековое историческое предание не базировалось на устных народных легендах, которые относили основание города Витебска к деятельности Ольги. Одновременно спор о дате появления города никак не затрагивает вопрос о появлении гораздо более древних славянских, кривичских поселений на этой территории еще с IX в.

3.2. Можно утверждать, что сообщение витебской летописи за 974 г. совершенно не является ответом на вопрос, в каком году был основан Витебск, и была ли великая княгиня Ольга его основательницей. Вполне могла быть, но данное сообщение не является подтверждением этого. Сообщение отражает процессы XVI–XVII вв. и стремление витебских православных интеллектуалов привязать его историю к древним истокам и легитимизировать владение православными витебскими церквями.

Литература

1. Варонін В. Прадмова // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раньнемадэрны час, 2010.
2. Габрусь Т. В. Зруйнаваныя святыні // Страчаная спадчына. Мінск, 1998.
3. Говорский К. Иоасафат Кунцевич, полоцкий унияцкий архиепископ. Вильна, 1865.

4. Голенченко Г. Я. Литературная полемика XVI — первой половины XVII вв. // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Белоруссию. Вып. 2. Минск, 1972.
5. Голенченко Г. Я. Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII вв. Минск, 1989.
6. Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896.
7. Довнар-Запольский М. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.
8. Калядзінскі Л. У. Палітычная гісторыя // Віцебск. Памяць. Кн. 1. Мінск, 2002.
9. Лабиринт, или запутанная дорога, где прекрасная Мудрость по долгу своему господам могилевчанам и тем, кто им подобен в действиях своих, кратчайший и наилучший путь указывает // Старостенко В. В. «Лабиринт» Фомы Иевлевича. Могилев, 1998.
10. Левко О. Н. Витебск. Древнейшие города Беларуси. Минск, 2010.
11. Летопись Панцырного и Аверки // Полное собрание русских летописей, т. 32. М., 1975.
12. Летопись по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 7. М., 2001.
13. Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Ю. Трубницкого // Полное собрание русских летописей, т. 35. М., 1980.
14. Падліпскі А. Как в Витебске придумали тысячелетний юбилей // Народныя навіны Віцебска 24.07.2012. Mode of access <http://news.vitebsk.cc/2012/07/24/kak-v-vitebske-pridumali-tyisyacheletniy-yubiley/> Date of access 24.09.2012.
15. Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб, 1999.
16. Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.
17. Сапунов А. П. «Чертеж» гор. Витебска 1664 г. Витебск, 1910.
18. Старостенко В. В. «Лабиринт» Фомы Иевлевича. Могилев, 1998.
19. Старостенко В. В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X–XVII вв.). Могилев, 2001.
20. Трубницкий А. Хроника белорусского города Могилева. Пер. с польского и приложения Н. Г. Гортыньский. М., 1887.
21. Шишанов В. 974, 947 или 914? Mode of access <http://vash2008.mylivepage.ru/wiki/1306/422> — Date of access 24.09.2012.
22. Łatyszonek O. Od Rusinów Białych do Białorusinów. Białystok, 2006.

Примечания

- 1 «Roku 974. Zbiwszy Olha iaćwingow i piczyngow y, przepawiwszy sie przez rzeke Dzwina zanocowawszy z woyskiem, y upodobawszy gure założyła zamek drewniany, nazwała od rzeki Widiby Wittebskiem, wmurowała cerkicu w Wysznim zamku swienteho Michała, a w Niżnim Zwiastowanie. Dwa roky zmieszkawszy odiechała do Kiowa» [11, с. 193].
- 2 Изначально историки XIX в., зная легенду об основании города Ольгой, однозначно рассматривали ее как домыслы, сложившиеся в позднейшее время [6, с. 17–18; 7, с. 68].
- 3 При этом само празднование даты основания Витебска все равно оказалось приурочено к 974 г. В научной среде возникло стремление не давать однозначный ответ на вопрос о дате основания Витебска [10, с. 8, 11], или даже вообще не упоминают о сообщении «Летописи» под 974 г. [8, с. 41].
- 4 Предлагают и другие даты этого события.
- 5 Считается, что в реальности именно две православные жены Ольгерда и вели активное церковное строительство в Витебске и в Вильне [2, с. 50]. Официальное летописание Великого княжества приписывало строительство православных церквей в Верхнем и Нижнем замке именно Ольгерду, который сделал это для своей православной жены. Сам Ольгерд вел в Витебске и активное фортификационное строительство, в том числе и каменных стен.
- 6 Удивительно, что пока нет предположения об ошибке именно в написании 914 года: тогда цифра 1 в 914 г. легко преобразуется в цифру 7 в 974 г., в результате чего легко вывести из 914 дату 974, которая якобы была неправильно воспринята авторами «Атласа». И далее по известному письму из 974 вернуться к дате 947 года.
- 7 Здесь интересно и упоминание Стрыйковским об изображении князя Ольгерда и его жены в церкви архангела Михаила.